

Моей семье: Даниэлле, Луке, Дэниэлу

*Прославляю себя и себя воспеваю,
И что я приму как свое, то будет и ваше,
Ибо каждый атом тела моего принадлежит и вам.*

Уолт Уитмен
«Песня о себе»

*Ронделло, Италия
11 марта 2017 года*

Это случилось почти двадцать пять лет назад. Около полуночи я услышала детское бормотание. В темной тихой палате больницы «Санта-Кристина» крепко спали маленькие пациенты. Все, за исключением Луки Тавиано с шестой кровати. Мальчик что-то шептал, не сводя глаз с окна, словно беседовал с кем-то или с чем-то снаружи — может быть, с луной или с высоким дубом, чьи изогнутые ветви касались оконного стекла.

Он приходит из далекой страны, преодолевая горы и долины, моря и океаны.

В первую секунду мне захотелось прикрыть рот маленькому проказнику, чтобы он не разбудил остальных. Однако, вспомнив, чем закончилась моя недавняя попытка утихомирить его, я сдержалась и, затаившись у тележки с препаратами, прислушалась.

Орландо — великан, очень сильный и очень справедливый. У него длинная мохнатая борода, в которой он

ДЭВИД БИРО

прячет драгоценные камни и золото. Он носит черную ковбойскую шляпу и ездит на большой лошади марем-мано — самой быстрой в мире.

По мере того, как мальчик добавлял в свой рассказ подробности, его голос по чуть-чуть становился громче. Секундная пауза — и Лука снова заговорил. Я не могла видеть его лица, но живо представила копну непослушных рыжих волос и озорную улыбку, подчеркивающую армию веснушек, сражающихся на его носу.

Мы встречаемся после заката в Замке на окраине Фаволы. Орландо всегда интересуется, не попал ли кто-нибудь в беду. Ему нравится помогать людям.

Понимает ли этот ребенок, в какой страшной беде он сейчас и как сильно нуждается в помощи?

Врачи уверены — его может спасти только чудо. Возможно, именно об этом и шептал мальчик. Лука не просто рассказывал себе сказку. Он по-своему молился о чуде.

Вероятно, теперь, много лет спустя, я делаю то же самое, когда, вспоминая о той ночи, пишу эти строки.

ЧАСТЬ I

МАЛЬЧИК

Весна 1992 года
Италия

Обычно весна в Италии — счастливое время: дожди смывают снег и зимние морозы, все вокруг зеленеет и распускается, а первый урожай ароматной земляники заполняет открытые рынки. В этом году все было иначе. Со стороны Сицилии на север пронеслась череда мрачных облаков, окутав страну густой пеленой.

23 мая был жестоко убит прокурор Джованни Фальконе, непримиримый борец с мафией. Бомба, заложенная на автостраде рядом с аэропортом Палермо, разворотила дорогу, по которой ехал Фальконе. В результате взрыва погибли также его жена и трое полицейских. Об этом кричали во всех новостях, писали в газетах. Об этом говорили везде, даже в Фаволе, захолустном городке, центр которого состоит из ратуши шестнадцатого века, маленькой барочной церкви, табачной лавки и бара-ресторана. Даже в этом крошечном городке на холмах Пьемонта, с населением менее трехсот человек, все говорили о позоре правительства, которое лишь беспомощно стояло в стороне, пока криминальная банда сицилийских головорезов сеяла вокруг хаос.

Все, кроме девятилетнего Луки Тавиано. Он был слишком поглощен своим собственным несчастьем. Марио Северезе заразил насморком и резким сухим кашлем почти весь третий класс. И если обычно простуда длилась несколько дней, в этот раз организм Луки не мог справиться с болезнью довольно долго. Его бабушка заволновалась.

— Я в порядке, *Nonna**, — попытался он ее успокоить. Но она все равно позвонила доктору Руджеро. Этого Лука боялся больше всего. Доктор Руджеро, девяностолетний старик, был единственным врачом в городе. Если не возникало срочной или чрезвычайной ситуации, все по-прежнему стучали в его дверь. *Nonna* считала его возраст доказательством компетентности врача — он явно знал, как прожить столько лет и оставаться здоровым. Лука не соглашался с этим утверждением. Он не проводил глубокой аналитической работы, а принимал внимание преимущественно только разлохмаченную шевелюру и пятнистую кожу доктора. Дом Руджеро тоже внушал страх. В нем всегда было темно, независимо от времени суток, повсюду висела паутина, и он просто кишел кошками. Они сидели везде — на стойках, на мебели. Франко Морелли утверждал, что в последний раз видел там дикого кабана. Марио Северезе клялся, что в доме водятся летучие мыши, возможно даже вампиры.

Поэтому, пока вся Италия оплакивала потерю своего мужественного прокурора, Лука пытался придумать, как бы избежать поездки к доктору Руджеро в дом с привидениями. План созрел в школе, после

* Бабушка (*итал.*).

ВОЛШЕБНОЕ ПЕСТРОЕ МОРЕ

напряженной дискуссии с Франко и Марио во время перемены.

Следующим утром, когда бабушка вошла в комнату, Лука притворился спящим. Краем глаза он видел, как *Nonna* потирает руки, слышал ее тихое дыхание. Когда она положила ладонь на его лоб, Лука замер в ожидании. Обычно он молился о температуре, означавшей освобождение от школы. Но не сегодня. Сегодня ему хотелось бы, чтобы его тело было настолько холодным, насколько это возможно. Накануне вечером, когда все уснули, он прокрался вниз и спрятал пару носков на дне морозилки. На рассвете, едва услышав доносящиеся из ванной шаги бабушки, вынул носки, которые к тому времени уже замерзли. Лука держал их на лбу, пока кожу не защипало так, что стало невозможно терпеть. Потом сунул их под подушку.

Каким бы горячим ни было его тело, лоб теперь стал ледяным. Лука чувствовал его под бабушкиной ладонью и был так уверен в победе, что уже предвкушал, как поделится хорошей новостью с друзьями. Но в то утро бабушка сделала нечто неожиданное. Ее рука скользнула вниз по щеке внука, потом по шее и наконец, юркнув под одеяло, добралась до левой стороны груди. Сердце мальчика колотилось так, что он боялся, как бы оно не выпрыгнуло сквозь кожу и не взорвалось в ее ладони.

— Жар! — таков был вердикт.

— Нет, *Nonna*! — Лука резко выпрямился. — Это невозможно!

Она покосилась на него.

ДЭВИД БИРО

— Я думала, ты спишь.

Лука пожал плечами, жалея, что не послушал Марио, когда тот предложил не просто сунуть носки в холодильник, а залезть туда целиком. Сделай он это, не оказался бы в такой ситуации.

— Одевайся. После завтрака мы отправляемся к доктору Руджеро.

2

Когда солнце встало из-за горизонта и осветило соседний Ронделло, оказалось, что Лука Тавиано не единственный, у кого случился плохой день. Это был большой город с населением около десяти тысяч человек, с государственным футбольным стадионом, небольшим музеем, в котором хранились экспонаты, связанные с древней римской историей, и больницей, обслуживавшей большую часть провинции. В то же утро в своей квартире в доме на узкой улочке, взлетающей по крутому склону к центральной площади, Нина Вочелли проснулась с острой головной болью. Накануне вечером, получив отвратительное письмо от Маттео Креспи, она выпила две бутылки вина. У этого ублюдка даже не хватило духу сказать ей все лично.

Тон послания был таким официальным, словно его писал адвокат. Маттео с сожалением сообщал, что их отношения больше не могут продолжаться, поскольку его дочь обо всем узнала и рассказала своей лучшей подруге, дочери главного врача «Санта-Кристины». Как только новость дошла до шефа, тот дал понять, что ничего подобного не потерпит, и пригрозил уволить

его или даже обоих, если они немедленно не прекратят встречаться. Поэтому теперь ради благополучия своего единственного ребенка и собственной карьеры Маттео должен на время помириться с женой. Он ужасно раскаивается и надеется, что Нина поймет.

Поймет?

Последние десять лет — *десять лет!* — Маттео говорил, что его брак развалился, что его жена давно завела себе любовника. И как только его дочь уедет в университет, он разведется и сможет жить вместе со своей Нинеттой. Он твердил это снова и снова.

Оказалось, то была ложь. Все это время он врал!

Как можно быть такой глупой?! Подруга Карла неоднократно предупреждала ее, что неразумно доверять онкологу, имеющему репутацию бабника. Но Нина ничего не могла с собой поделать. Он притягивал ее своим внушительным ростом, серебристыми прядями в волосах, быстрой уверенной походкой, лимонным запахом лосьона после бритья. Конечно, дело было не только во внешности, но и в том, как он общался с пациентами и их семьями. Маттео наблюдал самые тяжелые случаи — людей с неизлечимыми онкологическими заболеваниями. Тем не менее ему всегда удавалось найти нужные добрые слова, подбодрить и успокоить. Она никогда не забудет, как доктор подолгу сидел с синьором Бонинно, владельцем гастронома, где готовили лучшие аранчини* в городе. Крупный краснощекий мужчина, неизменно лучив-

* Блюдо сицилийской кухни. Обжаренные или в некоторых случаях запечённые шарики из риса диаметром 8—10 см, обычно начиненные мясом.

ВОЛШЕБНОЕ ПЕСТРОЕ МОРЕ

шийся жизнерадостностью, был просто разбит, когда узнал что у него прогрессирующий рак печени. Он был настолько подавлен и напуган, что отказался от любого лечения, настаивая на том, чтобы его оставили в покое и позволили умереть. Каким-то образом Маттео удалось образумить его и вселить надежду. В итоге Бонинно прожил еще пять лет, достаточно для того, чтобы увидеть, как его сын-подросток управляет в магазине, и научить того секретному рецепту рисовых шариков.

Да, Маттео был прекрасным и чутким врачом. Но, пожалуй, больше всего Нину поражало то, что он мог смотреть прямо на ее лицо, на ее ужасное лицо, и говорить ей, как она прекрасна.

Она не знала, смеяться ей, плакать или кричать, и лихорадочно искала в аптечке аспирин. Увидев свое отражение в зеркале, Нина внутренне съежилась. На нее смотрели глаза тридцатидевятилетней женщины, налитые кровью, под которыми начинали проступать темные круги. Родимое пятно, во всю правую сторону ее лица, тлело, как угли догорающего костра. В детстве оно было ярко-красным, но с годами цвет потемнел и стал насыщенно-фиолетовым. Большой баклажан закрывал половину ее лица. *Melanzana** — так называли ее одноклассники в школе. Прекрасна?! Кто в здравом уме мог бы подумать такое?

Единственное, что в ней с натяжкой можно было считать красивым, — это ее тело. С тех пор, как она закончила восьмой класс, все, от шеи и ниже,

* Баклажан (*итал.*).

выглядело довольно хорошо, словно компенсируя порок на лице.

И Нина начинала понимать, что Маттео Креспи, возможно, и не отводил от нее взгляда, но единственное, что он видел, это место, куда можно было засунуть свой член. Она снова рассмеялась, на этот раз со слезами на глазах, вспоминая день, когда взбешенный отец кричал и швырялся посудой на кухне. Нина пыталась объяснить ему, что она не виновата в случившемся; ей едва исполнилось шестнадцать, когда в средней школе учитель истории воспользовался ею.

— Путана! — орал отец, сильно дергая ее за руку, когда в шкафу больше не осталось посуды. — Никого, кроме шлюхи, из нее не получится! — заявил он жене.

— Родители Нины стыдились своей дочери еще до инцидента с учителем, еще с того момента, когда она появилась на свет со своей уродливой красной меткой.

— *Il segno del diavolo**, — прошептала мать священнику после воскресной мессы.

Они были простыми, необразованными людьми — ее отец работал в доках и выполнял поручения одного из местных боссов мафии; мать убиралась в домах и каждый день молилась Пресвятой Деве. Они считали, что метка это знак греха дочери и их собственного, и не могли простить ее.

В одиночестве Нина посетила подпольную клинику в подвале заброшенного здания на Виа Кавур, куда женщины приходили расплачиваться за свои проступки. До смерти напуганная, она едва могла го-

* Метка дьявола (*итал.*).